

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Александр
Островский**

Последняя
жертва

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос=Рус)-6
О-77

***Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»***

Островский, А. Н.

О-77

Последняя жертва: Пьеса / Александр Островский. — М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 148 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2488-8

Вадим Григорьевич Дульчин ухаживает за молодой вдовой Юлией Тугиной. Уже около года они собираются пожениться, но каждый раз он откладывает свадьбу. Однажды взволнованный Дульчин приходит к ней и просит найти ему шесть тысяч для уплаты долга. Говоря, что это последняя жертва и после этого они смогут, наконец, жениться, он уговаривает Юлию занять деньги у Прибыткова, который ухаживает за ней. На следующий день он проигрывает все деньги и сватается к более богатой невесте — родственнице Прибыткова. Дульчин решает не рассказывать ничего Юлии и просто скрыться, но неожиданно она получает приглашение на свадьбу.

ISBN 978-5-4467-2488-8

© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действие первое

Лица

Юлия Павловна Тугина, молодая вдова.

Глафира Фирсовна, тетка Юлии, пожилая небогатая женщина.

Вадим Григорьевич Дульчин, молодой человек.

Лука Герасимыч Дергачев, приятель Дульчина, довольно невзрачный господин и по фигуре и по костюму.

Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто.

Михевна, старая ключница Юлии.

Небольшая гостиная в доме Тугиной. В глубине дверь входная, направо (от актеров) дверь во внутренние комнаты, налево окно. Драпировка и мебель довольно скромные, но приличные.

Явление первое

Михевна (у входной двери), потом Глафира Фирсовна.

Михевна. Девушки, кто там позвонил? Вадим Григорьич, что ли?

Глафира Фирсовна (входя). Какой Вадим Григорьич, это я! Вадим-то Григорьич, чай, позже придет.

Михевна. Ах, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нет Вадима Григорьича; это я так, обмолвилась... Извините!

Глафира Фирсовна. Сорвалось с языка, так уж нечего делать, назад не спрячешь. Эка досада, не застала я самой-то! Не близко место к вам даром-то путешествовать; а на извозчиков у меня денег еще не нажито. Да и разбойники же они! За твои же деньги тебе всю душеньку вытрясет, да еще того гляди вожжами глаза выхлестнет.

Михевна. Что говорить! То ли дело свои...

Глафира Фирсовна. Что, свои? Ноги-то, что ли?

Михевна. Нет, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна. Уж чего лучше! Да только у меня свои-то еще на Хреновском заводе; все купить не сберусь: боюсь, как бы не ошибиться.

Михевна. Так вы пешечком?

Глафира Фирсовна. Да, по обещанию, семь верст киселя есть. Да вот не в раз, видно, придется обратно на тех же, не кормя.

Михевна. Посидите, матушка; она, надо быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна. А куда ее бог понес?

Михевна. К вечеренке пошла.

Глафира Фирсовна. За богомолье принялась. Аль много нагрешила?

Михевна. Да она, матушка, всегда такая; как покойника не стало, все молится.

Глафира Фирсовна. Знаем мы, как она молится-то.

Михевна. Ну, а знаете, так и знайте! А я знаю, что правду говорю, мне лгать не из чего. Чайку не прикажете ли? У нас это мигом.

Глафира Фирсовна. Нет, уж я самое подожду. *(Садится.)*

Михевна. Как угодно.

Глафира Фирсовна. Ну, что ваш плезир-то?

Михевна. Как, матушка, изволили сказать? Не дослышала я...

Глафира Фирсовна. Ну, как его поучтивей-то назвать? Победитель-то, друг-то милый?

Михевна. Не понять мне разговору вашего, слова-то больно мудреные.

Глафира Фирсовна. Ты дуру разыгрываешь аль стыдишься меня? Так я не барышня. Поживешь с мое-то, да в бедности, так стыдочек-то всякий забудешь, ты уж в этом не сомневайся. Я про Вадима Григорыча тебя спрашиваю...

Михевна *(приложив руку к щеке).* Ох, матушка, ох!

Глафира Фирсовна. Что заохала?

Михевна. Да стыдно очень. Да как же вы узнали? А я думала, что про это никому не известно...

Глафира Фирсовна. Как узнала? Имя его ты сама сейчас сказала мне, Вадимом Григорьичем окликнула.

Михевна. Эка я глупая.

Глафира Фирсовна. Да, кроме того, я и от людей слышала, что она в приятеля своего много денег проживает... Правда, что ли?

Михевна. Верного я не знаю; а как, чай, не проживать; чего она для него пожалеет!

Глафира Фирсовна. То-то муж-то ее, покойник, догадлив был, чувствовало его сердце, что вдове деньги понадобятся, и оставил вам миллион.

Михевна. Ну, какой, матушка, миллион! Много меньше.

Глафира Фирсовна. Ну, уж это у меня счет такой, я все на миллионы считаю: у меня, что больше тысячи, то и миллион. Сколько в миллионе денег, я и сама не знаю, а говорю так, потому что это слово в моду пошло. Прежде, Михевна, богачей-то тысячниками звали, а теперь уж все сплошь миллионщики пошли. Нынче скажи-ка про хорошего купца, что он обанкрутился тысяч на пятьдесят, так он обидится, пожалуй, а говори прямо на миллион либо два, — вот это верно будет... Прежде и пропажи-то были маленькие, а нынче вон в банке одном семи миллионов недосчитались. Конечно, у себя-то в руках и приходу и расходу больше полтины редко видишь; а уж я такую смелость на себя взяла, что чужие деньги все на миллионы считаю и так-то свободно об них разговариваю...

Миллион, и шабаш! Как же она, вещами, что ль, дарит ему аль деньгами?

Михевна. Про деньги не знаю, а подарки ему идут поминутно, и все дорогие. Ни в чем у него недостатка не бывает, — и в квартире-то все наше; то она ему чернильницу новую на стол купит со всем прибором...

Глафира Фирсовна. Чернильница-то дорогая, а писать нечего.

Михевна. Какое писанье, когда ему; он и дома-то не живет... И занавески ему на окна переменит, и мебель всю заново. А уж это посуда, белье и что прочее, так он и не знает, как у него все новое является, — ему-то все кажется, что все то же... До чего уж, до самой малости; чай с сахаром и то от нас туда идет...

Глафира Фирсовна. Все еще это не беда, стерпеть можно. Разные бабы-то бывают: которая любовнику вещами, — та еще, пожалуй, капитал и сбережет; а которая деньгами, ну, уж тут разоренье верное...

Михевна. Сахару больно жалко: много его у них выходит... Куда им пропасть этакая?

Глафира Фирсовна. Как же это у вас случилось, как ее угораздило такой хомут на шею надеть?..

Михевна. Да все эта дача проклятая. Как жили мы тогда, вскоре после покойника, на даче, — жили скромно, людей обегали, редко когда и на прогулку ходили, и то куда подальше... тут его и нанесло, как на грех. Куда не выдем из дому, все встретится да встретится. Да молодой, красивый, одет как

картинка; лошади, коляски какие! А сердце-то ведь не камень... Ну, и стал присватываться, она не прочь; чего еще — жених хоть куда и богатый. Только положили так, чтоб отсрочить свадьбу до зимы: еще мужу год не вышел, еще траур носила. А он, между тем временем, каждый день ездит к нам как жених и подарки и букеты возит. И так она в него вверилась, и так расположилась, что стала совсем как за мужа считать. Да и он без церемонии стал ее добром, как своим, распоряжаться. «Что твое, что мое, говорит, это все одно». А ей это за радость: «Значит, говорит, он мой, коли так поступает; теперь у нас, говорит, за малым дело стало, только повенчаться».

Глафира Фирсовна. Да, за малым! Ну, нет, не скажи! Что ж дальше-то?.. Траур кончился... зима пришла...

Михевна. Зима-то пришла, да и прошла, да вот и другая скоро придет.

Глафира Фирсовна. А он все еще в женихах числится?

Михевна. Все еще в женихах.

Глафира Фирсовна. Долгонько. Пора б порешить чем-нибудь, а то что людей-то срамить!

Михевна. Да чем, матушка! Как мы живем? Такая-то тишина, такая-то скромность, прямо надо сказать, как есть монастырь: мужского духу и в заводе нет. Ездит один Вадим Григорыч, что греха таить, да и тот больше в сумеречках. Даже которые его приятели, и тем к нам ходу нет... Есть у него один